

К вопросу о планировании внешней торговли¹

I

Если методология планирования внутренней торговли разработана слабо, то не в лучшем положении находится методология планирования внешней торговли. Формально тут все благополучно: из года в год составляются единые планы внешней торговли, балансовый метод соблюдается в полной мере, по всем линиям экспорт и импорт увязываются с народнохозяйственными планами; планы внешней торговли и их реализация не всегда совпадают между собой, но расхождения между ними не таковы, чтобы вызывали в планах большие сомнения. Однако, за этим формальным благополучием скрывается много такого, что требует к себе серьезнейшего внимания.

Внешняя торговля связывает советское хозяйство с хозяйством мировым, с хозяйством других стран. Учитывается ли эта связь при составлении планов внешней торговли? Многих, конечно, удивит этот вопрос. Разве мы не считаемся с мировыми ценами, когда определяем эффективность экспорта или стоимость импорта? Разве мы игнорируем в планах вопрос о странах, куда вывозим или откуда привозим? Разве мы не учитываем мировой конъюнктуры в целом и в отдельных ее проявлениях?

Однако, поставим вопрос иначе. В какой мере задачи внешней торговли учитываются в построении наших хозяйственных планов вообще и планов строительства промышленности и сельского хозяйства в частности? Долгое время эти задачи не учитывались вовсе. Теперь как-будто их начинают учитывать, но это своеобразный учет, логически вытекающий из характера планирования у нас внешней торговли. Свои планы внешней торговли мы выводим из того факта, что наша собственная продукция во многих случаях дефицитна, почему необходим импорт, для покрытия которого требуется экспорт. И можно было бы сделать отсюда такой вывод: так как дефицит-

¹ Помещая интересную статью т. Зака, Редакция считает необходимым отметить, что у автора отсутствует достаточная четкость в постановке вопроса как о внешней торговле Советского Союза, так и передовых капиталистических и недостаточно развитых в капиталистическом отношении стран, что может повлечь неправильные теоретические выводы. Вместе с тем Редакция отмечает спорность таких практических предложений, выдвигаемых автором, как равенние импорта (или части его) отдельных районов по их экспорту. *Ред.*

ность нашей продукции явление временное, то импорт должен расти до известного срока, после которого он начнет сокращаться; соответственная же судьба ждет и экспорт. Отражение такой установки имеется в пятилетке внешней торговле. И если она в пятилетие не доводится до логического конца, то повидимому только потому, что достаточный рост собственной продукции выходит за рамки пятилетнего развития нашего народного хозяйства.

Правилен ли этот подход? Действительно ли наша внешняя торговля будет развиваться лишь до известного срока, а затем она начнет сходить на-нет?

От того или другого разрешения этого вопроса зависит очень многое в нашем хозяйственном строительстве и прежде всего в методологии планирования внешней торговли — погодного и перспективного, но главным образом, планирования генерального. В области внутренней торговли мы генеральный план должны понимать, как план самоуничтожения торговли — не замены одних форм товарообмена другими, что мы не считаем уничтожением торговли, а уничтожения всякого товарообмена, ибо коммунизм не знает никакого обмена, следовательно, и никакого товара. Следует ли такое содержание вложить в генеральный план всего советского народного хозяйства (в том числе и внешней торговли), как план перехода на коммунистические рельсы, независимо от судеб капитализма в других странах? Можно было бы пойти дальше и поставить вопрос о роли внешнего товарооборота в условиях мирового коммунизма. Но для той практической задачи, которую мы себе ставим, именно для вопроса о методах планирования внешней торговли в рамках генерального плана, т.е. о методах погодного и перспективного планирования внешней торговли, имеющего руководящей нитью те, предусматриваемые генеральным планом, процессы, которые должны довести советское хозяйство до коммунизма, — для этой практической задачи нет надобности выходить за рамки советской экономики.

II

Как известно, капитализм дает яркую картину роста внешней торговли во всех странах. В итогах мирового товарооборота этот рост иллюстрируется такими цифрами. Первый более или менее полный подсчет мирового товарооборота, сделанный Нейманом-Спаллартом для середины 70-х гг. прошлого столетия, определяет его в 25,6 млрд. руб. Накануне войны (в 1913 г.) мировой товарооборот оценивается в 79,8 млрд. За сорок лет, следовательно, мировой товарооборот увеличился на 211,4%, что дает более 5% за год в среднем. В физическом объеме мировой товарооборот увеличился еще сильнее, так как товарные цены накануне войны были значительно ниже, чем в середине 70-х гг. прошлого столетия. Послевоенные годы сначала проходили в условиях восстановления нарушенных войной мировых торговых отношений. Процесс восстановления окончился

в 1924 г., когда мировой товарооборот, оцененный по довоенным ценам, опять вернулся к цифре 1913 г., составив 79,8 млрд. руб.; в 1925 г. мировой товарооборот, оцененный по довоенным ценам, достигает уже 88,1 млрд. руб., в 1927 г. — 92,1 млрд. руб. и в 1928 г. — 94 млрд. рублей.

Что рост мирового товарооборота не только приходится на эпоху развития капитализма, но органически связан с капитализмом, нет надобности доказывать, так как в экономической литературе этот вопрос достаточно выяснен. Для нас важен другой вопрос: связан ли рост внешней торговли только с капитализмом? Для прямого ответа на этот вопрос фактических данных, конечно, не может быть, ибо иных путей развития кроме капиталистического не знала до сих пор ни одна страна культурного мира; среди последних на путь некапиталистического развития впервые стал СССР. Приходится поэтому подойти к вопросу косвенным образом. Если бы капитализм был единственной причиной роста внешней торговли, то роль ее в народном хозяйстве разных стран находилась бы в прямой зависимости от степени развития у них капитализма. Имеется ли налицо этот факт? Роль внешней торговли в народном хозяйстве можно измерить соотношением ее оборота к национальной продукции. Если под национальной продукцией условно понимать сумму валовой продукции сельского хозяйства, горноделания и обрабатывающей промышленности, то оборот внешней торговли (экспорт + импорт) выразится в следующих процентах от национальной продукции:

Страны	Довоенные годы		Послевоенные годы		% увеличения оборота внешней торговли
	Годы, к которым относятся данные	%	Годы, к которым относятся данные	%	
Англия	1907	90,6	1924	44,2	14,8
Австралия	1911	54,0	1925	46,5	120,7
Германия	1913	35,9	1925	34,0	4,1
Канада	1911	35,0	1925	34,2	147,5
Венгрия	—	—	1925	50,6	—
Швеция	1913	31,9	1926	40,6	74,9
Югославия	—	—	1926	25,9	—
Польша	—	—	1925	23,5	—
Россия	1913	14,6	—	—	—
Соед. Штаты	1909	9,6	1925	10,7	206,6

Для послевоенных годов таблица показывает сокращение удельного веса внешней торговли в национальной продукции четырех стран. Поскольку это касается, главным образом, Англии и отчасти Германии, сокращение может быть объяснено тем, что в 1924 г. в Англии и в 1925 г. в Германии внешняя торговля еще не оправилась после войны. Но интересно сокращение удельного веса

внешней торговли Австралии и Канады. Эти две страны за годы войны и последующее время сделали большие успехи в своей индустриализации, а, следовательно, продвинулись вперед и по линии капитализации своего народного хозяйства. В результате их внешняя торговля сильно увеличилась, но роль ее в их народном хозяйстве снизилась, особенно в Австралии, которая по развитию промышленности пошла дальше Канады: за десятилетие 1911—1921 гг. промышленное население Канады увеличилось всего на 10,5% при 27,6% в Австралии.

Однако, в таблице особенный интерес представляет общее размещение стран по размерам удельного веса их внешней торговли в отношении национальной продукции. Неудивительно, что в довоенное время Англия по роли внешней торговли в народном хозяйстве шла впереди других стран. Но почему за нею следовала Австралия, которая в то время еще не поднималась над уровнем аграрной страны? Конечно, не силой капиталистического развития объяснимо то, что Германия по роли внешней торговли шла и идет позади Австралии и рядом с Канадой, между тем как Венгрия обгоняет в послевоенные годы страны с максимальным развитием капитализма, а Швеция, шедшая в довоенное время после Германии, теперь становится между последней и Англией. Но исключительное место занимают Соед. Штаты. Роль внешней торговли у них усилилась всего с 9,6% до 10,7%, между тем как в Швеции она усилилась с 31,9% до 40,6%. При этом Соед. Штаты продолжают идти позади не только Югославии и Польши, но также и довоенной России; Соед. Штаты были и остаются страной, у которой внешняя торговля продолжает в народном хозяйстве играть ничтожную роль, хотя по развитию капитализма они теперь стоят вне конкуренции. И это объясняется не только тем, что в Соед. Штатах большое значение до сих пор имеет сельское хозяйство, как источник национальной продукции. Если всю их современную внешнюю торговлю сопоставить только с продукцией промышленности, то все-таки получится коэффициент в 13,4%, между тем как по этому же расчету для Англии получится коэффициент в 49%, для Германии в 24% и для довоенной России 18%.

Очевидно, когда мы говорим, что рост мирового товарооборота обязан капитализму, то этого нельзя понимать в том же смысле, в каком мы говорим, что внутренняя торговля связана с капитализмом. Это феномены различного характера. По создаваемым капитализмом формам посредничества в сношениях между народами, мировой товарооборот капиталистической эпохи действительно можно рассматривать как продолжение внутренней торговли. Но внутренняя сущность мирового товарообмена иная. Различная роль внешней торговли в разных странах вне зависимости от степени развития у них капитализма свидетельствует, что ее капиталистическое строение является только формой осуществления, регулирования и направ-

ления таких хозяйственных взаимоотношений в мировом масштабе, которые имеют свои корни во всем укладе народного хозяйства каждой страны в отдельности. Капитализм, раздираемый внутренними и внешними противоречиями, вскрыл вместе с тем ту глубокую международную связь, которая базируется на особенностях стран по состоянию их естественных производительных сил. Чтобы пояснить нашу мысль остановимся несколько подробнее на двух странах, занимающих крайние места в нашей табличке — на Англии и Соед. Штатах.

По пищевкусовым товарам, сырью и полуфабрикатам Англия ведет пассивную торговлю: в трехлетие 1925/27 гг. экспортом этих продуктов Англия покрывала только 13% их импорта. Соед. Штаты, наоборот, по пищевкусовым товарам ведут активную торговлю с перевесом за то же трехлетие экспорта над импортом на 8,7%. Их торговля по сырью и полуфабрикатам пассивна, но экспортом этих товаров покрывается 79% их импорта. В целом же по категории пищевкусовых товаров, сырья и полуфабрикатов Соед. Штаты экспортируют меньше, чем импортируют всего лишь на 21%. Этим сопоставлением иллюстрируется чрезвычайная скудость Англии сырьевыми ресурсами. В 1924 г. Англия чистым привозом (привоз без вывоза) должна была покрыть 13,6% всей потребности ее промышленности в материалах; между тем как в Соед. Штатах потребность промышленности в материалах была покрыта чистым импортом в размере всего лишь 1,5%. Такова, если можно так выразиться, органическая разница между этими двумя странами в их отношениях к мировому товарообороту. Из нее вытекает другая отличающая их друг от друга особенность: значение промэкспорта в торговом балансе. Свою бедность сырьевыми ресурсами Англия компенсирует напряженными связями с мировым товарооборотом, поддерживая экспорт готовых изделий на уровне 80% всего экспорта при импорте пищевкусовых товаров, сырья и полуфабрикатов в размере 74,4% всего импорта. В Соед. Штатах экспорт готовых изделий также играет заметную роль, но она в два раза слабее, чем в Англии — всего лишь 40% всего экспорта, при чем и этот экспорт изделий гораздо более заполняет собой активность торгового баланса страны, чем ее потребность в оплате привозного сырья, именно активность торгового баланса Соед. Штатов поглощает около 45% всего чистого вывоза готовых изделий.

Этот поверхностный анализ внешней торговли двух стран уже показывает, насколько неправилен взгляд старой экономики на существо мирового товарооборота. Не по линии товарооборота, базирующегося на различных природных богатствах, ведет свою внешнюю торговлю Англия, а по линии компенсации своей скудости сырьевыми ресурсами. Именно сырьевая нищета заставляет Англию максимально развивать свою внешнюю торговлю. Однако, было бы ошибочно отсюда сделать тот вывод, что там, где имеется богат-

ство сырьевых ресурсов и большое их разнообразие, нет почвы для развития внешней торговли. Редко встречается страна с большим богатством и разнообразием сырьевых ресурсов, чем Соед. Штаты тем не менее они не только имеют значительный импорт сырья и полуфабрикатов, но, как мы видели, они ведут по этим товарам даже пассивную торговлю. На этом факте важно остановиться подробнее, особенно потому что в этом отношении на Соед. Штаты можно смотреть, как на прототип СССР, который по богатству и разнообразию источников для сырья мало отличается от Соед. Штатов.

Остановимся прежде всего на наиболее ярком примере. Своим хлопком Соед. Штаты обслуживают весь мир. И все-таки они не обходятся без привоза чужого хлопка, при чем привоз этот растет и абсолютно и относительно, как показывает следующая таблица:

Г о д ы	Потребление промышленностью Соед. Штатов хлопка (млн. англ. ф.)	Ввоз чужого хлопка (млн. англ. ф.)	Чужой хлопок в % к потреблению	% экспорта собственного хлопка
1890—99	1.501,1	38,9	2,6	67,1
1900—09	2.056,9	73,0	3,5	65,3
1910—19	3.291,9	132,7	4,0	50,9
1920—26	3.176,0	192,7	6,1	53,1

Доля экспортируемого Соед. Штатами хлопка собственной продукции постепенно снижается. Но и теперь Соед. Штаты вывозят не менее половины всего производимого ими хлопка. И тем не менее за 25—30 лет привоз Соед. Штатами чужого хлопка для своей промышленности поднялся с 2,6% всего перерабатываемого промышленностью Соед. Штатов хлопка до 6,1%. Если таково отношение Соед. Штатов к ввозу хлопка, то не удивительно, что они развивают свой ввоз шерсти. Весь рост промышленной обработки шерсти за время от 1890—99 гг. по 1920—26 гг., выразившийся в ее увеличении на 37,8% (с 444,8 до 613,0 млн. англ. ф.), происходил не столько за счет собственной продукции шерсти, которая колебалась около одного уровня (284 млн. англ. ф. в 1890—1899 гг. и 283,7 млн. англ. ф. в 1920—1926 гг.), сколько за счет импорта, возросшего с 160,8 млн. англ. ф. до 342,2 млн. Отметим, наконец, что по импорту сырья в целом богатые сырьевыми ресурсами Соед. Штаты за годы интенсивного развития их промышленности сделали колоссальные успехи, подняв этот импорт со 104,1 млн. долл. в конце 80-х годов прошлого столетия до 1.414 млн. долл. в 1924—1928 гг.

Но еще более интересно, что интенсивное развитие промышленности Соед. Штатов шло рука об руку с еще более быстрым ростом импорта полуфабрикатов (см. стр. 119).

Наконец, если по готовым изделиям Соед. Штаты за годы интенсивного развития своей промышленности далеко пошли по линии экспорта, то это не мешает ро-ту также их импорта готовых изделий, который в отношении 1876—85 гг. составлял в 1896—1905 гг. 120,6%, в 1906—15 гг. 199% и в 1921—28 гг. 434,2%.

Г о д ы	Потребление „материалов“ промышленностью Соед. Штатов (млн. долл.)	Ввоз полуфабрикатов (млн. долл.)	Ввоз полуфабрикатов в % к потреблению „материалов“
1888—90	5.162,0	199	2,40
1908—10	12.142,8	101,0	3,69
1924—28	35.512,0	670,0	5,90

О чем говорят приводимые данные? В известных случаях и Соед. Штаты страдают от недостатка сырьевых ресурсов. Но и в этих случаях только необходимостью разнообразить свою продукцию можно объяснить растущую связь Соед. Штатов с импортом, ибо вне этой необходимости Соед. Штаты могли бы собственными сырьевыми ресурсами наполнить все развитие своей промышленности. Тем сильнее необходимость разнообразить продукцию выступает в качестве руководящего мотива в импорте такого сырья, которое в самих Соед. Штатах производится в избытке, например, хлопка. Мало того, самую свою промышленность Соед. Штаты строят так, что не ослабляется, а усиливается их связь с импортом. Нельзя же серьезно говорить о том, что Соед. Штаты потому увеличивают свой импорт полуфабрикатов, что собственного необходимого им ассортимента полуфабрикатов они производить не могут. Очевидно тут действует иной мотив, родственной тому, который вызывает рост импорта готовых изделий, несмотря на еще более быстрый рост промэкспорта. Мотив этот тот же самый, о котором мы говорили в отношении импорта сырья — необходимость разнообразить, в данном случае, не только продукцию, но и потребление. Эта необходимость вызывается различными интересами. Хлопок Соед. Штаты привозят потому, что в одних случаях для ассортимента им нужен хлопок лучшего качества, чем тот, который они сами производят (египетский хлопок), в других — худшего качества. Силам и капиталам, вкладываемым в обработку привозной шерсти, Соед. Штаты могли бы легко дать другое применение, но они этого не делают, отнюдь, не потому, что иное применение было бы менее рентабельно. Большую часть привозимых Соед. Штатами полуфабрикатов они могли бы производить у себя, но выгоднее их получать извне. Если привозом полуфабрикатов Соед. Штаты улучшают свое производственное потребление, то привозом готовых изделий они улучшают в одних случаях личное потребление (усиливая его разнообразие) и в других — производственное, а обоими видами импорта

(готовых изделий и полуфабрикатов) они увязываются с прогрессом мировой техники и экономики, используя их для развития собственного народного хозяйства.

Очень слабо оценивается тот факт, что, несмотря на поразительные качественные и количественные успехи машиностроения в Соед. Штатах последних десятилетий, выдвинувшие их на первое место и по производству машин, и по снабжению ими мирового товарооборота, привоз машин в Соед. Штаты увеличился в 1926—28 гг. сравнительно с 1911—13 гг. с 13,9 млн. руб. до 41,7 млн. руб., т.-е. в три раза. Между тем, этот факт чрезвычайно интересен для иллюстрации той сложной и многогранной связи развивающихся свое народное хозяйство стран с мировым товарооборотом, которая является для них не только ареной для разрешения выдвигаемых капитализмом проблем (борьба за рынки и проч.), но и фундаментом, на котором строится народное хозяйство, наивыгоднейшим образом использующее как свои собственные производственные ресурсы, так и производственные ресурсы других стран, в том числе все достижения опыта и знаний в международном объеме.

Пример растущего привоза машин в Соед. Штаты сам по себе достаточно показательный, усиливает свою яркость в сопоставлении с тем же процессом, который характеризует долгий путь развития — сношений с мировым товарооборотом Англии и Германии. Еще в середине 90-х гг. прошлого столетия об Англии можно было говорить, что она знает только экспорт машин. Покрывая 55,6% всего мирового вывоза машин, Англия в мировом импорте машин участвовала лишь на 0,8%. Через 15 лет эта картина резко меняется: если экспорт машин из Англии в 1909 г. сравнительно с 1894 г. дает увеличение на 87,6%, то импорт увеличивается в 19,4 раза. И в дальнейшем импорт машин в Англию растет из года в год: при ввозе машин в 1909 г. на 36,6 млн. руб. ввоз машин в Англию в 1913 г. выразился в 55,6 млн. руб., в 1926 г. в 104,9 млн. руб., в 1927 г. в 132,6 млн. руб. и в 1928 г. в 139,9 млн. руб. Аналогичное происходит в Германии. В эпоху расцвета своего машиностроения она с 1894 г. по 1909 г. увеличила свой импорт машин с 12,5 млн. руб. до 35,5 млн. руб. и довела его в 1913 г. до 46,6 млн. руб.; урезанная после империалистической войны Германия ввезла в 1925 г. машин на 45,5 млн. руб., каковая сумма выросла в 1927 г. до 76,7 млн. руб.

Капитализм, конечно, налагает свою руку на внешнюю торговлю всех капиталистических стран. Он влияет на размеры ее и качественный состав. „Расточительство“, характеризующее капиталистическое хозяйствование в целом, оказывает свое влияние и на внешнюю торговлю. Форсирование вывоза во имя капиталистической прибыли слишком дорого обходится народному хозяйству страны; точно так же и привоз не всегда согласуется с внутренними производственными возможностями и потребностями внутреннего хозяйства. Но туман капиталистической анархии не

должен заслонять собой могущественной творческой силы, которую национальные хозяйства черпают в мировом товарообмене, — творческой силы, которая должна увеличиваться, а не сокращаться с заменой капиталистической анархии плановым началом в народно-хозяйственном строительстве. Все дело в том, что самая связь с мировым товарооборотом в планирующей свое хозяйство стране требует строгого подчинения тому же плановому началу.

Выше мы видели, что и в капиталистических странах роль внешней торговли не везде одинакова. Очевидно каждая страна для внешней торговли имеет свой оптимум. Во времени этот оптимум может колебаться. Если, как мы видели выше, удельный вес оборота внешней торговли Соед. Штатов в их валовой продукции теперь выражается в 10,7%, то в конце 70-х годов, в эпоху формирования экономики Соед. Штатов, он выражался в 15,7% и в конце 80-х годов в 12,2%. Оптимум внешней торговли может колебаться также в зависимости от внеэкономических условий. Вынужденная спешить с усилением своей независимости от враждебного окружения страна не может не форсировать необходимого ей использования мирового товарооборота. Но при этом нельзя смешивать ни оптимума с временной необходимостью отклонения от минимума, ни задачи обеспечения независимости с идеей изоляции от мирового товарооборота.

Та связь с мировым товарооборотом, которую поддерживают Соед. Штаты, связь, как мы показали выше, весьма сложная и многогранная, не создает для них зависимости, которая опасна была бы для их народного хозяйства при каком бы то ни было враждебном окружении. Независимость СССР следует также понимать не в количественном, а в качественном смысле. И, разумеется, совершенно наивны опасения, как-то высказанные немецким „экспертом“, что помощь, оказываемая СССР в деле строительства нашего народного хозяйства, грозит сокращением нашего рынка для сбыта немецких товаров. Наоборот, вся история мирового товарооборота свидетельствует, что чем более индустриализируется страна, тем более увеличиваются ее связи с мировым товарооборотом не только в смысле экспорта, но и в смысле импорта, — меняется только ассортимент последнего.

III

Если Соед. Штаты и Англию считать выражением двух крайних типов увязки народного хозяйства с мировым товарооборотом, то оптимум внешней торговли СССР будет близок к первому типу. Суть не в том, что Соед. Штаты и Россия близко стояли друг от друга по роли внешней торговли в их народном хозяйстве в довоенное время, когда стихийное народнохозяйственное строительство царило в обеих странах. Близость к Соед. Штатам определяется богатством СССР природными источниками сырья, с одной стороны, и емкостью внутреннего рынка, обуславливающейся разнообраз-

ными связями между отдельными частями страны (районами), — с другой.

Как и в Соед. Штатах, процесс индустриализации постепенно будет захватывать в СССР все районы. Более того, этот процесс будет в СССР проходить несравненно скорее и глубже, чем в Соед. Штатах, где капитализм способствует порабощению одних районов другими, в то время как переходное время в СССР открывает всем его районам одинаковые пути хозяйственного развития, а следовательно, и индустриализации. Однако, именно свобода хозяйственного развития районов не может не связать его с их природными особенностями. Каждый район, индустриализируясь, должен стержнем своего хозяйственного строительства иметь те природные источники приложения человеческого труда, которые отличают его от других районов. Отсюда не следует, что между районами должно сохраняться то одностороннее территориальное разделение хозяйственных функций, которое обеспечивает при капитализме эксплуатацию одних районов другими. Но на базе полноты и разносторонности хозяйственного уклада отдельных районов должно развернуться их хозяйственное разнообразие, которое потребует иной, но не менее тесной, их увязки между собой, чем та, которую СССР унаследовал от старой России. На большую емкость внутреннего рынка, по которой ни одна из европейских стран не может идти рядом с СССР, и по которой рядом с СССР идут Соед. Штаты и отчасти пойдет Китай, — следует смотреть не как на временное и преходящее явление, а как на органическую особенность СССР.

Еще меньше сомнения вызывает богатство СССР естественными источниками сырья. Тем обстоятельством, что наше народное хозяйство находится теперь в теснейшей зависимости от импорта сырья и полуфабрикатов, отличаясь этим от Соед. Штатов, которые тут пользуются импортом, главным образом, лишь в целях улучшения производственного потребления, — этим обстоятельством измеряется не недостаток наших природных ресурсов, а наша крайняя отсталость в их использовании. Абстрактно можно себе рисовать широко развитое, глубоко индустриализированное народное хозяйство СССР вне каких бы то ни было связей с мировым товарооборотом. И утописты самодержавной идеологии на подобие „знаменитого“ когда-то, — и по заслугам глубоко забытого теперь, — С. Шарапова и др. вовсе не далеки были от потенциальных наших возможностей, когда они мечтали о народном хозяйстве России, изолированном от всего мира. Все дело только в разнообразии производственного и личного потребления, с одной стороны, — и с другой стороны — в общении с мировым опытом и мировыми знаниями, которые, как мы видели выше, толкают на связи с мировым товарооборотом Соед. Штаты, и от которых тем более не может отказаться СССР, строящий не капиталистическое хозяйство, вдохновляемое погоней за капиталистической прибылью, а хозяйство социалистическое, руководящим

мотивом коего служит максимальное и наилучшее использование производительных сил ради наилучшего и наиболее разностороннего удовлетворения постоянно развивающихся и усложняющихся человеческих потребностей.

Какие трудности нам предстоит одолеть, чтобы дойти до оптимума внешней торговли, как мы его себе представляем, видно из настоящего ее состояния у нас. Важно не только качественное строение нашей внешней торговли; имеет значение и количественное ее состояние. Вопрос о размерах нашей внешней торговли обостряется с каждым годом, в соответствии с успехами, которые делает плановое начало в нашем народнохозяйственном строительстве. Пока у нас не было определенной картины пятилетней народнохозяйственной перспективы, в планировании внешней торговли мы „по одежке протягивали ножки“. „Одежку“ мы, разумеется, старались растягивать как можно больше, но дальше этого не шли, не замечая, что этим методом планирования внешней торговли мы создаем Прокрустово ложе для нашего народнохозяйственного развития. Тот факт, что еще в 1927/28 г. наша внешняя торговля не достигла и половины довоенной (46,3% по довоенным ценам), понятно, ничего не доказывает, ибо резко изменилась структура нашей внешней торговли. Но поучительно другое: за пять только лет с 1923/24 по 1927/28 гг. наша внешняя торговля удвоилась (с 602,7 млн. руб. по довоенным ценам поднялась до 1.223,2 млн. руб.). Среднее увеличение на 20% в год говорит только об одном — о чрезвычайно недостаточном использовании наличных ресурсов. Когда в 1928/29 г. под давлением серьезных причин был сделан в плане внешней торговли новый скачок, скептицизму „реалистов“ не было предела, а „утопический“ план оправдался на 95%! Новый скачок в „неизвестность“ делается на 1929/30 г., и все-таки мы относимся к плану на настоящий год без всякого скептицизма, ибо и опыт прошлых лет, и все то, что мы знаем о наших ресурсах, — даже не потенциальных, а наличных — свидетельствует, что не о нормальном развитии внешней торговли нам приходится пока говорить, а о ее построении, о создании первоначальной базы, с которой только и начнется нормальное развитие.

Исходным моментом в наших планировках следует принять развитие нашей внешней торговли за счет собственных ресурсов. Можно думать, что наши кредитные связи с капиталистическими странами в дальнейшем будут не ухудшаться, а улучшаться. Этого требуют интересы самих капиталистических стран, интересы, которые тем сильнее будут проявлять себя, чем более мы углубимся в индустриализацию своего народного хозяйства. Однако, на увеличение кредитных связей с капиталистическим миром мы должны смотреть как на ресурс для развития своего народного хозяйства сверх того темпа, который предусматривается пятилетним народнохозяйственным планом; самый же план должен базироваться на соб-

ственных наших возможностях. Таким образом, строение внешней торговли должно идти по линии обеспечения необходимого нам импорта и выгодных условий закупок за границей, за счет правильно построенного и нормально развивающегося экспорта.

Конкретно говоря, экспорт в ближайшие годы должен разрешать три задачи. План строительства народного хозяйства рассчитан на то, чтобы к концу первой перспективной пятилетки были ликвидированы дефициты в средствах производства, получающиеся в результате недостаточности собственной продукции. Но и в этот период отношения с мировым товарооборотом не могут замыкаться в рамках борьбы только с дефицитами; определенное место уже теперь должно быть отведено операциям с мировым товарооборотом, диктуемым необходимостью улучшать производственное, — отчасти и личное, — потребление, а также усиливать связь с мировым опытом и знаниями. Третья задача — образование такого валютного запаса, который давал бы возможность не держать наших закупок за границей в неразрывной зависимости от выручки по экспорту, что лишает наш импорт способности использовать выгоды конъюнктурных и сезонных колебаний на мировых рынках.

Таковы задачи, период которыми стоит наш экспорт. Наш экспорт уже в том, что мы называем его построением, должен явиться фундаментом для удовлетворения указанных необходимых требований импорта. Имеются ли для такого построения экспорта необходимые предпосылки в нашем народном хозяйстве и какими путями следует идти в его планировании? Ответ на этот вопрос лежит в двух плоскостях. Выше мы отметили недостаточность использования наличных ресурсов в целях экспорта. Как велики эти наличные ресурсы, сказать трудно. Речь тут идет прежде всего о таких ресурсах, которые слабо реализуются отчасти вследствие недостаточной их выявленности, отчасти вследствие неудовлетворительной организации их заготовки. В обоих случаях многое может сделать децентрализация внутренней работы по внешней торговле, а именно по всей нашей внешней торговле, а не только по экспорту.

Централизованное в плановом порядке выступление на мировых рынках как по экспорту, так и по импорту представляет такое колоссальное преимущество нашей системы внешней торговли, сравнительно с капиталистическими странами, что из-за одного его ни в коем случае нельзя отказаться от внешнеторговой монополии, не говоря о других положительных ее достоинствах. Но то, что на внешних рынках представляет нашу силу, превращается внутри страны в нашу слабость. Централизация внутренней работы по внешней торговле бюрократизирует ее, ослабляя то сотрудничество мест с центром, которое является наиболее могущественным фактором экономического творчества вообще и внешнеторгового творчества в том числе. Всеми способами следует бороться с местничеством, с политикой провинциальной „колокольни“. Наша экономическая

сила лежит в народнохозяйственной целостности СССР, в правильном сцеплении между отдельными частями страны (районами) и их экономическом развитии в соответствии с требованиями народнохозяйственного целого. Но в условиях советской экономики, подготавливающей почву для коммунистического государства, территориальное разделение общественного труда между районами носит, как мы отметили выше, иной характер, чем в капиталистических странах. У нас район входит в государственное целое не только как служебная, но и как самодовлеющая единица. В организации внутренней работы по внешней торговле этот принцип до сих пор не проводится. Было время, когда места знали лишь задания по экспорту, исходившие от центра. Этот порядок подвергся теперь некоторой, если можно так выразиться, демократизации: места привлекаются к обсуждению вырабатываемых для них в центре экспортных контингентов. Но все еще они имеют дело с планом, не ими составляемым, и потому в процессе реализации экспортных планов они отвечать должны не за свое, а за чужое творчество. Если к этому прибавить, что при общем нашем плохом знании своих ресурсов места все-таки их лучше знают, чем центр, то нечего удивляться, что то, что мы называем местными планами экспорта, особенно по товарам второстепенного значения, далеко не заслуживает этого названия, так как по районам часто фактически заготовки на экспорт весьма мало общего имеют с плановыми заготовками.

С другой стороны, нельзя ждать от районов достаточной энергии в выявлении их экспортных ресурсов, пока для них нет хозяйственной увязки между требуемым от них экспортом и предоставляемым им импортом, пока экспорт выступает перед ними как „повинность“, а импорт предоставляется им в виде чего-то, в роде „подарка“.

Совершенно нездоровой и экономически ошибочной является тенденция некоторых районов строить свою внешнюю торговлю по принципу „нетто-баланса“, т.е. покрытия всего экспорта импортом. Товарообменные связи между районами балансируются у нас гораздо больше за счет обмена внутренней продукции, чем привозной. Район с активным внешнеторговым балансом часто имеет пассивный торговый баланс, если в расчет принять и ту продукцию отечественного происхождения, которую он получает от других районов. И, наоборот, районы с пассивным внешнеторговым балансом часто ведут активную торговлю, отдавая другим районам больше продукции, чем получают от них. Все дело в том, что хозяйственный уклад одних районов нуждается больше в импортной продукции и меньше в продукции отечественного происхождения, и тогда внешнеторговый баланс носит активный характер, а другие районы находятся в обратном положении. И это не только особенность СССР. Например, в Австралии в 1928 г. было такое порайонное строение внешней торговли (в тыс. фунт. ст.) (см. стр. 126).

Таким образом, в Австралии на два штата с пассивным внешнеторговым балансом приходится пять штатов с активным внешнеторговым балансом различной силы — от четверти до половины экспорта. Если таково положение в капиталистической Австралии,

Ш т а т ы	Импорт	Экспорт	Импорт в % к экспорту
Новый Южный Валлис	63.503	49 291	128,8
Виктория	46.001	39 437	116,7
Южная Австралия	11.307	14.850	76,2
Тасмания	1.767	2.713	65,5
Западная Австралия	9.492	15.310	61,5
Северная Австралия	32	54	59,4
Квинсленд	11.595	23.125	50,1

то тем более оно понятно у нас, где плановое начало охватывает все союзное народнохозяйственное строительство как единую систему. Наш метод индустриализации страны ставит себе целью постепенное повышение индустриального уровня отставших в промышленном отношении районов. Но до тех пор, пока задача эта не разрешена в полной мере, абсолютные расходы на индустриальное строительство в большей мере выпадают на промышленные районы, чем на районы непромышленного характера. А так как наш импорт связан, главным образом, с потребностями индустриализации, экспорт же в значительной степени базируется на сырье, то создается „неравенство“ районов в отношении внешнеторгового баланса, которое, однако, в одинаковой мере, в конечном итоге, выгодно и для „счастливых“ и для „обделенных“ районов, так как последние вознаграждаются за счет ускоренного роста индустриальной продукции „счастливых“ районов.

Итак, хозяйственную увязку между экспортом и импортом в районном разрезе нельзя понимать в смысле порайонного „нетто-баланса“. Тем не менее если отсталые районы получают относительно мало импорта, то это не значит, что экономика Союза в целом не выигрывала бы от того, что была бы возможность удовлетворять их импортом в большей степени. Препятствует только недостаточность общего нашего импорта, объясняемая слабым экспортом. Этот факт необходимо использовать в интересах последнего. Контрольные цифры, исходя из порайонного пятилетнего плана индустриального строительства, ежегодно устанавливаются ту процентную долю экспорта, которая каждому району предоставляется в виде импорта, с тем, чтобы абсолютные размеры последнего увеличивались в соответствии с абсолютным увеличением экспорта. Таким образом, без вреда для общего плана индустриального строительства, а, наоборот, — ему на пользу, районам будет дана возможность за счет усиления экспорта повысить свое удовлетворение импортом. Такая хозяйственная увязка экспорта с импортом поднимет в сильнейшей степени экспортную энергию районов. Попутно

получится и другой положительный результат. Сближение районов с интересами внешней торговли в целом повысит качественную сторону экспортной работы, равно как ослабит то бесхозяйственное использование импорта, которое мы видим теперь в условиях централизации внутренней работы по внешней торговле, когда все интересы последней сосредоточены в центре, имеющем слабое представление о том, что делается на местах.

Не может быть никаких сомнений, что децентрализация того, что мы называем внутренней работой по внешней торговле, оздоровив ее в целом, сыграет значительную роль в деле построения нашего экспорта. Этот метод тем более заслуживает внимания, что он дает определенный экспортный эффект без всяких капитальных затрат и за счет таких товаров, экспорт коих большей частью наименее болезненно отзывается на внутреннем потреблении. Опыт с „второстепенным экспортом“ чрезвычайно поучителен. Но было бы наивно думать, что в использовании для экспорта без пользы пропадающих у нас предметов, мы дошли уже до предела. Не увлекаясь можно оценить наши возможности в этой области в 50—60 млн. руб. дополнительных, по меньшей мере.

IV

Другой путь, на который мы становимся для построения экспорта, — это специальное строительство для экспортных целей. В деле проведения в нашей внешней торговле планового начала — это наиболее важный путь. В последние годы наш импорт подвергался резким колебаниям. Увеличившись за один только 1924/25 г. почти в два с половиной раза, он за 1925/26 г. дал прирост всего лишь на 4,5%, чтобы в 1926/27 г. снизиться на 5,8%; в 1927/28 г. получается новый скачок в 32,6%, за которым следует опять снижение на 14,5%. Так как на импорт следует смотреть, как на один из факторов, от которых зависит все наше народнохозяйственное строительство, то ясно, какое влияние на наши народнохозяйственные планы должны оказывать такие колебания импорта. Очевидно, чтобы завершить процесс подчинения нашего хозяйственного развития плановому началу, последнее должно подчинить себе также импорт, тесно увязанный с задачами всего народнохозяйственного строительства. Тут мы должны быть застрахованы от случайностей в той же мере, в какой плановое начало требует преодоления стихии во всем комплексе советской экономики. С другой стороны, возможный у нас, а потому и желательный, мы бы сказали, необходимый темп и характер хозяйственного развития требуют такого импорта, который не укладывается в рамки экспорта, даже исчерпывающего все имеющиеся для этого потенциальные ресурсы. Все это говорит за то, что под наш импорт необходимо подвести новый фундамент в виде целесообразно и достаточно широко построенного экспорта. Отсюда вытекает необходимость в специальном строительстве для

экспорта. Все равно, как осуществление наших хозяйственных планов мы связываем с соответственным развитием энергетической базы, источников сырья, капиталонакопления и т. д., ибо иначе все наше хозяйственное планирование было бы беспочвенно, — точно так же импорт, а следовательно, и экспорт должны занять в наших планах место обуславливающих их выполнение факторов. Дальше держать нашу внешнюю торговлю на случайных балансовых разницеах между производством, учитывающим одно только внутреннее потребление, — и регулируемые размеры последнего — нельзя. Необходимо стать на путь производства для экспорта. По существу, в этой мысли нет ничего нового. Идея специального строительства для экспорта пустила у нас в последние 2 — 3 года значительные корни, но она не отлилась еще в конкретную программу, почему она не чувствуется не только в перспективной пятилетке, но и в контрольных цифрах 1929/30 г.

Дело в том, что под специальным строительством для экспорта нельзя понимать одно только построение известного числа новых предприятий или приспособление для этой цели некоторого числа старых предприятий. Задача вырисовывается в несравненно более сложных контурах. Важнейшим преимуществом нашего хозяйственного планирования, сравнительно с планированием, проводимым монополистическим капитализмом, нужно признать то, что у нас оно имеет универсальный характер, что плановому началу мы подчиняем не ту или другую отрасль хозяйства, а все его в целом, что мы заставляем служить этому началу не только обобществленные силы хозяйственного строительства, но и те остатки стихии, которые нам не удалось еще искоренить. В ином положении мы оказываемся в вопросах внешней торговли. Было бы ошибкой забывать о преимуществах, которые наша внешняя торговля имеет в своей опирающейся на планируемое хозяйство монополии, из-за одного того, что до сих пор мы не сумели их использовать в достаточной степени. Но вместе с тем нельзя игнорировать и того факта, что на мировых рынках со своим планируемым хозяйством мы сталкиваемся с хозяйственной стихией, которая пытается подчинить нас себе. Поскольку внутри страны мы боремся против всяких проявлений конкуренции, заменяя ее социалистическим соревнованием, постольку на мировых рынках мы попадаем в самую гущу конкуренции, притом новейшей конкуренции, т. е. конкуренции, в которой решается судьба каждого капиталистического государства в отдельности и всего капиталистического мира в целом.

В этой обостренной конкурентной борьбе, характеризующей повоенный мировой товарооборот, наш импорт попадает в благоприятные условия, которые нужно только уметь использовать; но чрезвычайно усложняется проблема нашего экспорта. Одно время большой популярностью пользовалась у нас мысль, что мы достаточно нужны мировому товарообороту, чтобы быть уверенными

в своем месте на мировых рынках. Надежды строились, главным образом, на нашей сел.-хоз. продукции. При этом мы не учитывали двух обстоятельств. Забывали о новом нашем социально-экономическом укладе, влияющем на рост внутреннего потребления сел.-хоз. продукции, а потому и на ослабление ее экспортальности. Не меньший просчет получился бы у нас, если бы мы не учитывали конкурентоспособность других стран.

Нам предстоит жестокая борьба в области внешней торговли не столько в смысле отстаивания старых рынков, сколько в смысле завоевания новых. Большую помощь тут будет оказывать СССР его монополия внешней торговли, опирающаяся на плановое его хозяйство. Но и все наши преимущества окажутся мало эффективными, если мы наш экспорт не подкуем плановым началом, которое в данном случае усложняется тем, что в нем необходимо учитывать не только условия нашего собственного хозяйства, планируемого и регулируемого, но и условия мирового хозяйства, остающегося во власти капиталистической анархии.

Когда у нас речь заходит о планировании экспорта на фундаменте не только наших потребностей, но и мировой обстановки, получается обыкновенно ироническое возражение в том смысле, что мирового хозяйства мы не планируем. Разумеется, гораздо легче проблема планирования разрешается, когда плановым началом охвачены все моменты хозяйствования. Этим объясняется сила нашего планирования и слабость капиталистического планирования, проводимого капиталистическими монополиями. Но в своих сношениях с мировым хозяйством у нас нет иного выхода, как стать на путь последних. В своем планировании отдельных отраслей хозяйства они лишены возможности опираться на планируемые народные хозяйства в целом и им приходится идти по пути хозяйственных прогнозов. Этот плановый паллиатив не гарантирует от ошибок, но известную ориентировку он все-таки дает. И там, где нашему плановому хозяйству приходится сталкиваться с капиталистической анархией, у нас не остается ничего иного, как использовать этот паллиатив. Мирового хозяйства мы не планируем и не будем планировать, — наши силы воздействия на мировое хозяйство для этого недостаточны, — но в самой своей анархии капитализм подчиняется известным закономерностям, которые мы должны учитывать в плановом построении своего экспорта. Когда мы ставим себе задачей специальное строительство для экспорта, нельзя считать только со своими устремлениями, а необходимо отдать себе ясный отчет в том, как наши собственные устремления преломляются в обстановке мировых перспектив.

Перспективная пятилетка предусматривает возможность восстановления хлебного экспорта, но мы должны обратить не меньше усилий на форсирование экспорта животноводческой продукции, имеющей на мировых рынках довольно прочное будущее. Разные

перспективы на мировых рынках имеют отдельные виды животного-водческой продукции и т. д. Суть не в том, чтобы что-нибудь строить в интересах сел.-хоз. экспорта; суть в том, чтобы строить то, что должно иметь наиболее обеспеченный и наиболее эффективный сбыт за границей.

Еще сложнее этот вопрос стоит в отношении строительства в целях промэкспорта. Опыт капиталистических стран показывает, что в разных странах экспортность отдельных отраслей промышленности различна. Так, в процентах к валовой продукции экспортность отдельных отраслей составляла:

Отрасли промышленности	Германия 1925 г.	С. Штаты 1925 г.	Довоенная Россия		СССР	
			1908 г.	1912 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Пищевая и табачная	2,14	5,00	8,03	8,92	3,17	3,36
Текстильная	16,85	2,39	1,87	2,86	0,80	1,50
В том числе хлопчатобумажная	18,98	8,14	2,33	3,65	0,99	2,01
Черная металлургия и изделия из железа и стали	24,81	2,83	3,03	1,49	0,76	0,55
Прочие металлы	34,76	8,14	16,00	22,71	1,01	1,11
Деревообрабатывающая	5,70	3,72	53,82	56,80	17,32	12,61
Кожевенная	36,49	4,11	1,63	2,61	0,09	0,09
Резиновая	34,00	3,87	7,00	6,79	1,45	3,56
Бумажно-полиграфическая	21,12	1,22	1,95	2,23	0,47	0,47
Химическая	40,08	12,12	18,74	20,09	10,38	12,18
Керамическая	33,24	2,09	2,72	2,52	0,76	1,17
Машиностроительная	19,18	7,07	2,40	1,29	0,13	0,14
Всего	14,13	4,77	7,33	7,65	2,69	2,90

Вряд ли можно сказать, что в Германии или Соед. Штатах различная экспортность отдельных отраслей промышленности имеет корни свои в недостатке капиталов для соответственного своего расширения, либо вообще в невозможности необходимого развития. Внутренних причин нет ни у машиностроительной, ни у ряда других отраслей Соед. Штатов, чтобы держать свою экспортность в несколько раз ниже, чем в Германии. Особенно характерна хлопчатобумажная промышленность. Снабжая весь мир хлопком, богатые капиталами Соед. Штаты дают экспортность хлопчатобумажной промышленности в два с половиной раза меньшую, чем Германия, которая обрабатывает привозной хлопок. Да что говорить о Германии, которую Соед. Штаты как никак все-таки опережают, когда Англия вывозит более 60% продукции своей хлопчатобумажной промышленности, т.е. в девять раз больше, чем родина хлопка! Очевидно экспортность той или другой отрасли

промышленности зависит не столько от воли данной страны, сколько от того, как эта воля преломляется в обстановке мирового товарооборота. Как и торговля в целом, капиталистический экспорт направляется не только потребностью стран в связях с мировым товарооборотом, но и погоней капиталиста за более высокой прибылью.

В советских условиях вопрос как-будто упрощается; мы можем равняться только по потребности в связях с мировым товарооборотом. Однако эти связи не только не должны быть убыточны для нашего народного хозяйства, но они требуют также известной даже коммерческой рентабельности; во всяком случае к ней необходимо стремиться. Это значит, что в особенности в строительстве для экспорта необходимо ориентироваться на такие объекты, которые обеспечивали бы нам наиболее высокую реализацию за границей. Когда мы строим завод для внутренних надобностей, мы также учитываем потребителя для его продукции. Но тут серьезных просчетов не может быть. При нашем недостатке в продукции почти по всей линии промышленности можно построить завод менее нужный, чем какой-либо другой, но построить вовсе ненужный завод мы не можем. Иное дело при строительстве для экспорта. Если мы строим для экспорта завод, не зная, на какой конкретный внешний рынок его продукция пойдет, с каким конкурентом она там встретится, с каким технико-экономическим вооружением нам придется состязаться, с какой придется считаться торговой организацией и т. д., то вовсе не реальна опасность, что затраты окажутся малоэффективными, а то даже и вовсе бесцельными. Рассматривая план капитальных работ по экспортной промышленности для 1929-30 г., экспортное совещание РСФСР сделало ВСНХ РСФСР указание, что такие планы должны составляться с учетом условий мирового товарооборота. Задача эта нелегкая, ибо экспортный завод строится не на год, даже не на пятилетие, и, следовательно, считаться приходится не только с тем, что есть и что будет в ближайшее время, а приходится строить прогноз на далекие сроки. Но плановое строительство для экспорта иначе невозможно. Не может быть при этом, конечно, речи о предупреждении каких бы то ни было ошибок и просчетов. Ошибки и просчеты неизбежны даже при планировании внутри планируемого народного хозяйства; тем более они возможны при смычке планируемого народного хозяйства с мировым хозяйством, пока еще насквозь пропитанным капиталистической анархией. Но возможность ошибок не должна превращаться в их необходимость и обязательность.

V

Когда мы говорили о планировании экспорта, мы вовсе не касались общего нашего неумения продавать за границей. Не выше наше умение покупать на иностранных рынках. Суть, однако, не в этом. Само собой разумеется, что если на период переходного

времени нам нужен умелый красный купец во внутренней торговле, то еще сильнее значение умелого красного купца во внешней торговле. Наше неумение торговать за границей нам обходится, вероятно, не в малую сумму полноценной валюты. Далека от совершенства сама техника нашего планирования импорта. Этим, а вовсе не какой-нибудь злой волей (во всяком случае не ею одной) объясняются те безобразия, которые в связи с импортом раскрыла в последнее время РКИ. Импорт, в сущности, мы планируем „на-глаз“. Потребности в импорте у нас не учитываются, а определяются приблизительно по спорным нормам, по весьма вольным „обобщениям“, иногда даже по интуиции. Нет у нас достаточно детально унифицированной номенклатуры, дающей возможность надлежащим образом увязать импорт с собственной продукцией, которую в необходимых деталях мы к тому же плохо знаем. Попытки выбраться из этого хаоса делаются и нужно думать, что в ближайшее время они увенчаются успехом, особенно если планирование импорта будет доведено до низов и будет отдано под наблюдение и контроль „мест“ как в смысле участия в составлении планов импорта, так и в смысле использования импортных богатств. Однако теперь в вопросе о планировании импорта нас занимают те же принципиальные основные установки, с которыми мы имели дело, когда говорили об организации экспорта.

Тут необходимо различать два момента — перспективный момент и генеральный. Под перспективным моментом мы разумеем тот период переходного времени в обстановке „вооруженного окружения“, в течение которого нам приходится вести борьбу с „узкими местами“ в нашей собственной продукции. Для этого периода необходима, конечно, специальная, мы бы сказали, специфическая импортная политика. Не всегда в ней приходится учитывать наиболее выгодные связи с мировым товарооборотом. Экономическим мотивам часто нельзя не противопоставлять мотивов политических и даже просто тактических. Однако и для самих наших политических и тактических соображений важно иметь маяком экономическую целесообразность. Наивны, конечно, рассуждения старой экономики о разделении труда между народами по линии естественно-исторических богатств. Вряд ли и М. Спектатор прав, когда он высоту нормы прибыли объявляет „всеопределяющим фактором развития той или другой страны“ и, следовательно, ее отношений к мировому товарообороту. Стоит хорошо подумать хотя бы в приведенную нами на стр. 133 таблицу, чтобы ясно было, что товарообменные связи между народами представляют собой явление гораздо более сложное, чем это кажется на поверхностный взгляд. Во всяком случае, факт тот, что отдельные страны приходят на мировой рынок со своими не простыми, а чрезвычайно сложными особенностями, использование коих требует большего знания и умения, но настойчиво диктуется экономической целесообразностью для стран, приходящих на мировые рынки со

своим спросом. Например, по данным комиссии Бальфура, одна тонна вывозимых машин стоит фунтов стерлингов:

	Сел.-хоз. машины	Котлы	Станки	Двигатели	Текстильные машины
Швейцария	91	79	170	119	140
Англия	77	52	109	96	99
Швеция	44	92	96	131	164
Голландия	42	37	107	95	102
Франция	41	33	71	82	70
Германия	40	46	86	90	100
Бельгия	29	36	61	56	96

Конечно, и в настоящую стадию народнохозяйственного строительства СССР наш импорт, помимо политических мотивов, необходимо равнять не только по ценам — в интересах экономических и технических; часто выгоднее именно дорогая машина. Однако приведенный пример достаточно иллюстрирует необходимость при построении плана импорта иметь перед собой экономический маяк, по которому ориентируются тактика и политика. С другой стороны, особенности настоящей стадии переходного времени требуют, чтобы и экономическое планирование импорта всегда имело перед собой политический маяк. Направление, которое мы даем всему нашему народнохозяйственному строительству, в значительной степени объясняется „вооруженным окружением“, в котором мы находимся. В импорте мы это должны особенно помнить. В процессе вытеснения импорта собственной продукцией следует идти по пути собственного удовлетворения, прежде всего, текущих и постоянных потребностей, оставляя на импорт такие объекты, от которых в случае политической заминки можно отказаться без потрясения для народного хозяйства. При недостаточности, например, собственного нашего машиностроения, вряд ли целесообразно отвлекать его на такие нужды, которые имеют временный и случайный характер. Другой пример: дорожка валютой, мы установили практику ввоза крупных сепараторов для заводского маслоделия, удовлетворяя кустарное маслоделие собственной продукцией; между тем, при необходимости, легче отказаться от снабжения сепараторами кустарного маслоделия, чем заводского.

Планирование импорта в наших политических условиях — задача чрезвычайно сложная, запутанная сетью глубоких противоречий исторического момента. Мы все время должны помнить, что настоящий исторический момент имеет для нас не самодовлеющее значение, а значение подсобное, как отрезок всего переходного времени, которое должно дать в результате коммунизацию нашего народного хозяйства, следовательно, и сношений с другими народными хозяйствами, в том числе также и по импорту. В конечном итоге, как мы уже подчеркнули выше, связь наша с мировым товарооборотом должна стать исключительно связью по линии использования мировой техники, мировой экономики и мирового опыта, с одной стороны, и

улучшения производственного и личного потребления—с другой. Обеими ногами мы станем на эту дорогу лишь тогда, когда ликвидируем „узкие места“ в нашей собственной продукции и дадим нашему экспорту прочную, целесообразно построенную базу. Это задача не одного года. Однако и до тех пор нельзя понимать борьбу с „узкими местами“ только как заботу о количественном равновесии. Генеральный план импорта в целом и каждый из его отрезков в отдельности должны иметь у нас руководящей идеей ту целесообразно построенную экономическую связь между народами, которая станет возможна после ликвидации мирового капитализма, но в отношении которой коммунистический авангард должен сыграть роль застрельщика и руководителя.

* * *

Проблема планирования внешней торговли слишком велика, чтобы можно было ее охватить во всем объеме и во всех деталях в журнальной статье. Задача наша гораздо уже. Мы попытались установить основные вехи, по которым должно идти планирование внешней торговли. В особенности мы имеем в виду обратить внимание на место, которое должно быть отведено планированию внешней торговли в отличие от торговли внутренней в процессе трансформации хозяйства переходного времени в хозяйство коммунистическое. Интересен вопрос о хозяйственных связях, которые при коммунизме будут существовать между самостоятельными и самодеятельными коммунарами, которые исторически были сцеплены в отжившем государстве и поэтому получили тесную хозяйственную между собой спайку. Еще труднее вопрос о хозяйственных связях, которые в настоящее время определяются как „внешние“. Коммунизм не знает торговли ни внутренней, ни внешней. Но до тех пор, пока не установится единый мировой союз свободных коммун, можно себе рисовать объединения коммун в каких-либо тесных более узких границах, объединения, которые потребуют хозяйственной (товарообменной либо продуктообменной) увязки между собой. Тем более необходимо считаться с этой возможностью стране, строящей социализм в условиях капиталистического окружения. Для нее эта проблема, которая разрешается при помощи внешней торговли в течение переходного состояния, в том или ином виде и на тот или другой период времени перейдет и за границу этого исторического фазиса. Очевидно генеральный план народного хозяйства СССР как план трансформации нэпа в коммунизм должен дать не только пути трансформации нашей внешней торговли вообще, но и ее трансформации для определенной цели, трансформации, которая создаст некоторый новый вид хозяйственных сношений с другими странами,— коммунистическими и некоммунистическими,—соответствующих нашему коммунистическому укладу.